ся, он значительно расширяет диапазон искомых центров заимствования. Иногда привлекаются в этом смысле города Месопотамии, например, Ларса, для домов с закругленными углами в СМ I (стр. 116). Часто эти «заимствования» и «подражания» бывают весьма натянутыми. Так, например, круглые гробницы — толосы объявляются заимствованием тростниковых круглых хижин из Ливии (стр. 91), а примитивные статуэтки РМ II — заимствованием из Ливии через Верхний Египет (там же). Статуэтки РМIII объявляются подражаниями статуям Урнина из Лагаша (стр. 104) и т. д.

Одной из характерных черт буржуазной методологии автора является объяснение разрушений, происшедших на острове, землетрясениями. Все предшествующие ПМ II катастрофы в различных городах Крита рассматриваются им только как разрушения в результате землетрясений. Конечно, и они тоже могли быть, но совершенно неправильно все объяснять только землетрясениями. Так, например, описывая подземную гробницу ПМ I, автор пишет: «К концу ПМ Iа периода постройка, повидимому, сильно пострадала от землетрясения. Бастионы по обеим сторонам ворот частично обрушились, а павильон почти сравнялся с землей. Камни этих частей здания были использованы, чтобы отгородить стеной пространство в крипте между двумя столбами и западной и южной стенами. В получившихся, таким образом, отделениях было погребено много покойников, являвшихся, может быть, жертвами землетрясения» (стр. 212). Данное описание говорит скорее о перестройке. Ведь странно полагать, что сразу же после землетрясения сейчас же произвели большую перестройку, чтобы похоронить жертвы. Особенно много землетрясений автор усматривает в среднеминойских периодах. Так, конец СМ II «был ознаменован, повидимому, сильным землетрясением» (стр. 165). «Подобная же катастрофа положила конец СМ I периоду» (стр. 166). Итак, выходит, что СМ I и СМ II закончились грандиозными землетрясениями. Не слишком ли много землетрясений? Причин этих катастроф следует искать, конечно, не в стихийных бедствиях, а в классовой борьбе и, может быть, вторжениях других народов. Правда, разрушения ПМ II периода автор объясняет вторжением греческих племен с севера. Это, пожалуй, единственное красочное место книги, где автор пытается привлечь миф о Тезее и Минотавре для объяснения исторических событий (стр. 250).

Итак, хотя автор и старается в ходе изложения не делать никаких выводов и не идти далее изложения чисто фактического материала, но его ограниченная неправильная буржуазная методология ясно видна и в полном отрицании местного развития, и в ярко выраженной теории заимствований, и в признании землетрясений главным фактором разрушения критской цивилизации.

Некоторые общие выводы все же даны автором в V главе. Само построение этой главы обнаруживает полную его беспомощность при разрешении общих проблем: вопросы экономики, вопросы классового деления общества им даже не ставятся. План главы таков: 1) язык, 2) быт критян, 3) море, 4) военное дело, 5) религия, 6) искусство, 7) обзор истории. Само построение этой главы, как видим, крайне хаотично.

Проблема языка критян, связанная с дешифровкой критской письменности [1], не только не разрешена, но даже не намечена в книге Пендлбери; впрочем, это не вина автора книги, так как она вышла в 1939 г., когда первые опыты дешифровки критской письменности Б. Грозным еще только начинались. Тем более он не мог быть знаком с новыми работами в этой области [2]. Тем не менее, автор в общем приближается к разрешению вопроса о происхождении критского языка, считая его родственным ликийскому, киликийскому и карийскому (стр. 286). Новейшие исследования В. Георгиева показали, что минойский язык — до-греческого происхождения и относится к группе эгейско-малоазийских языков, к которым причисляются иероглифический и клинописный хеттский, лувийский и палайский, откуда, в свою очередь, берут начало ликийский, киликийский и карийский языки [3].

В разделе «Быт», собственно говоря, никакого быта не описывается. Это весьма

---

[1] В. Георгиев, Дешифровка минойских надписей, София, 1949.
[2] В. Георгиев, Эгейский мир во II тысячелетии до н. э., ВДИ, 1950, № 4.
[3] Там же, стр. 50.

похвальная попытка что-то сказать о земледелии и скотоводстве, но Пендлбери не дает мало-мальски достаточных представлений об этих занятиях (стр. 287). То же самое нужно сказать о двух последующих разделах — «море» и «военное дело». Здесь имеются кое-какие данные и о мореплавании и о вооружении, но ведь нельзя рассматривать все эти явлѐния статически, без учета хронологии и изменений в различные периоды. У автора же все рассматривается так, как будто бы и кораблестроение, и вооружение, и строй войска не менялись в течение всего длительного периода развития минойской культуры. Кроме того, совершенно не учитывается, что сама организация войска и флота всецело зависела от экономического и социального строя Крита в ту или иную эпоху.

Раздел, посвященный религии, тоже является чисто описательным и не учитывает исторического развития общества. Главное внимание уделяется культу богини-матери и пережиткам тотемизма (стр. 289—292). Странно, что совершенно не обращено внимания на культ быка, столь характерный для Крита. Весь раздел о религии в настоящее время является мало интересным и уже устаревшим. Новые данные о религии критян имеются в вышеупомянутой статье В. Георгиева, где обзор критской религии дан на основе чтения критской письменности.

В разделе «Обзор истории Крита» читатель напрасно стал бы искать какую-либо историческую концепцию. Это опять чисто формальный обзор памятников. Никакой последовательной картины развития критского общества и государства в этом разделе не дается. Есть только отдельные, противоречивые положения, совершенно не объясняющие истории минойского Крита Это лишний раз показывает всю беспомощность современной буржуазной методологии.

Имеются некоторые мелкие технические недочеты. Например, текст перевода совершенно не согласован с таблицами. Так, на стр. 183 указана ссылка на формы небольших кувшинов на рис. 27,2. Но на этом рисунке нет керамики, а изображены только знаки критского письма. Таких случаев много.

Книга издана тщательно. В ней имеется обстоятельное предисловие крупного советского специалиста акад. В. В. Струве, очень интересное и значительно более богатое по своему идейному содержанию, чем вся работа Пендлбери. Книга снабжена библиографией, списком сокращений и указателем географических названий.

Иллюстраций много; выполнены они на хорошей меловой бумаге, но тем не менее не достигают цели. Они очень мелки, серы и не дают никакого представления о замечательных по форме и окраске памятниках критской культуры. Кроме того, такие выдающиеся памятники, как, например, «Дамы в голубом», «Парижанка», статуэтка жрицы со змеями, не даны вовсе. Ссылки в данном случае на таблицы у Эванса совершенно не удовлетворительны. Читатель должен иметь возможность читать работу Пендлбери, не пользуясь каждую минуту вышеупомянутым трудом Эванса.

Подводя итог всему уже изложенному, все же следует сказать, что Издательство иностранной литературы поступило правильно, издав работу Пендлбери, так как она, несмотря на все перечисленные недостатки, все же может служить для советского читателя нужным справочником по археологии Крита.

Ю. С. Крушкол

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЛИНИЗМА В РОССИИ

Русская наука обратила внимание на историю эпохи эллинизма значительно раньше, чем это обыкновенно считают. Еще в середине XVIII в. наблюдался вполне определенный интерес наших филологов-классиков к этому периоду. Они дали первоклассные для своего времени переводы греческих и латинских историков, в особенности тех, которые писали об Александре Македонском и о событиях, последовавших после его смерти. Традиционное почтение к античным авторам и описательный характер исторических сочинений того времени

предопределили характер работ. Русские ученые XVIII в. предпочитали не компилировать сведения древних авторов, а предлагали читателям хорошие переводы оригиналов. Чем рассказывать по Помпею Трогу, не лучше ли предложить читателю хороший перевод самого Помпея Трога. Это казалось тем более целесообразным, что в XVIII в. античность исследовали преимущественно филологи-классики, переходя к изучению истории от работы над языком и литературой древних греков и римлян.

Одно из первых мест среди подобных работ занимает перевод Квинта Курция Руфа, выполненный знаменитым русским этнографом и географом, а также филологом-классиком, профессором Петербургской Академии наук С. П. Крашенинниковым. Как его великий современник М. В. Ломоносов, так и С. П. Крашенинников происходил из народных «низов»; он был сыном рядового солдата. Перевод был издан Академией наук в Петербурге в 1751 г. с подробными историческими, географическими и критическими примечаниями и историческими картами под названием «Квинта Курция история об Александре Великом, царе македонском». Он выдержал шесть изданий. Последнее вышло в 1813 г. Надо отметить, что перевод, сделанный Крашенинниковым, был не первым переводом Курция Руфа на русский язык; существовал более ранний перевод, изданный в Москве. Но он был неточен и засорен иностранными словами, «без нужды употребляемыми», как с возмущением отмечает в предисловии к своему переводу Крашенинников.

Весьма показательно, что, кроме обычного интереса к Александру Македонскому и его завоеваниям, внимание наших филологов-классиков XVIII в. привлекает и эпоха эллинизма вообще. В 1768 г., профессор Академии наук Никита Попов опубликовал перевод Юстина под названием: «Юстин — древней универсальной истории Трога Помпея сократитель». Издание это снабжено довольно значительным научным аппаратом; здесь имеется алфавитный указатель географических имен и исторические карты.

Большое значение имел в свое время также перевод Диодора, исполненный Иваном Алексеевым и изданный в 1774-1775 гг. Академией наук в шести томах, под названием: «Диодора Сикилийского историческая библиотека». Перевод снабжен предисловиями к каждому тому и подробным аннотированным алфавитным «указателем лиц и вещей отменных». В предисловии к III тому дается краткий обзор библиотек древнего мира и в том числе Александрийской, Пергамской и других.

Интерес к эллинизму не ослабел и в начале XIX в. В 1818—1819 гг. вышел новый перевод Квинта Курция Руфа, сделанный инженер-капитаном А. Мартосом. Переводчик предпослал ко 2-й части своего труда эпиграф: «Тактика и дипломатика ничто без светильника истории.— Слова Суворова на Альпах». В 1824 г. был вновь переведен С. Борзеповским Юстин под заглавием: «Всеобщая история, извлеченная из бытописаний Трога Помпея». В 1837 г. был издан в Петербурге перевод Арриана «Походы Александра».

Параллельно с переводами и комментариями к сочинениям античных авторов, в наших университетах велась обработка и построение курсов истории древнего мира, в том числе истории Александра и «греко-македонского периода», как тогда обозначали эпоху эллинизма. Эта работа велась на кафедрах всеобщей истории. Притом по установившейся традиции, в то время не было в университетах специальных кафедр истории древнего мира; следовательно, чтобы установить полностью достижения русской исторической науки в области древней истории и эллинизма, в частности, надо было бы учесть библиографию всех работ специалистов по всеобщей истории. Мы не ставим себе такой задачи в настоящем кратком обзоре и поэтому остановимся только на одном из представителей исторической науки первой половины XIX в.— на профессоре Киевского университета Цыхе. Он читал курс истории древней Греции и начального периода эллинизма в 30-х гг. XIX в. Его обобщающая работа «Взгляд на историческую жизнь народа эллино-македонского» [1] знакомит нас с приемами исследования и методами построения курса древней истории на базе предшествую-

[1] ЖМНП, 1835, май, стр. 145 сл.

щей практики филологов-классиков. Вот что пишет о своем методе сам Цых: «Я думаю, что в таком только случае можно верно изобразить характер исторического лица, какого-нибудь отдельного происшествия или целого ряда их, если он представлен будет... не в общих чертах, но... с подробностями;... нужные для сего материалы будут почерпнуты из самих источников и переданы сколько возможно вернее, ближе к подлиннику... Для всякой части... подбирал я главных писателей, следовал совершенно за ходом их повествования, выбирая из него то, что составляло главную нить рассказа, что относилось к предмету моих лекций; старался не упустить ни одной характеристической черты, подробности, и — что столько же важно — представлять все передаваемое вам сколь можно ближе к подлиннику, и сохраняя, сколько умел, краски классического изложения историков древности. Вообще о пройденных мною таким образом статьях сообщил я вам почти столько, сколько можно знать о них достоверного, и столь верно, сколько позволяло мне мое уменье. Не позволю себе судить, хорош ли сей способ преподавания, или нет; но смело могу сказать, что он принадлежит, относительно древней истории, самому мне,— по крайней мере я ни у кого не заимствовал его» (стр. 148). Свой метод Цых назвал «способом фактического преподавания древней истории» (стр. 147 сл.), так как одни только факты, «одна вещественность дает жизнь описанию» (стр. 149).

Александра Македонского Цых считает гением, который наложил свою печать на всю эпоху. Наряду с явным преувеличением роли личности в истории, автор придает большое значение этническому и географическому факторам. Его интересуют не только «великие характеры лиц», но и «черты возвышенной нравственности целых народов» (стр. 158) и территория, на которой они проживают. Идеализируя Александра, Цых считает безнравственным македонский период. Причина этого лежала, по его мнению, в характере македонян, а также в «духе времени», под которым он понимает всю специфическую совокупность явлений эпохи эллинизма. Ранняя смерть Александра помешала ему провести в жизнь слияние Востока с Западом. Вместо большой державы Александра налицо оказались слабые государства, опиравшиеся на наемные войска и беспрерывно враждовавшие друг с другом, в результате чего огромные территории опустошались. Цели Александра были забыты. Среди всеобщего разорения «... только Египет благодаря мудрой умеренности и миролюбию великого Птолемея Сотера спасся от сих бедствий... Вновь проложенные торговые пути открыли египтянам новые источники богатства» (стр. 171). Цых отмечает положительное значение постройки Александрии, как торгового центра. Он собирался заняться специально изучением «исторической жизни царства Египетского» (в эллинистическую эпоху.— *Н. П.*) (стр. 172), но смерть не позволила ему выполнить это намерение.

Сравнивая работы Цыха с трудами его младшего современника Т. Н. Грановского, мы особенно ярко представляем себе поразительно быстрое совершенствование историографии античности в России в первой половине и в середине XIX в. Разносторонний культурный деятель, просветитель, друг Герцена и других передовых людей того времени, Грановский, однако, всегда оставался идеалистом и буржуазным либералом. Все же это не помешало ему сыграть выдающуюся роль в истории русской культуры.

Блестящий специалист по всеобщей истории, Грановский интересовался главным образом древней и средневековой историей. Прекрасно осведомленный о состоянии отечественной и зарубежной историографии, он самостоятельно и критически относился к трудам величайших авторитетов своего времени. Грановский резко критикует повествовательную школу историков, ограничивающихся пересказом источников. С недоверием относился он и к гегелевскому делению всеобщей истории, называя его «произвольным построением»[1]. Высоко расценивая метод критики источников, предложенный Нибуром, Грановский заметил (т. I, стр. 22), что он «отнюдь не удовлетворяет потребности в приложенном к полному составу науки методе». Стремление к всестороннему изучению исторических явлений, выяснение общих законов развития — все это является положительным вкладом Грановского в русскую историографию.

---

[1] Т. Н. Грановский, Соч., т. I, М., 1892, стр. 20.

Будучи идеалистом, Грановский формулировал свои мысли о методе и задачах исторического исследования таким образом: «Новый метод должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии. Только таким образом можно достигнуть до прочных основных начал, т. е. до ясного знания законов, определяющих движение исторических событий» (т. I, стр. 22 сл.) Далее он предлагает изучать историю как естественный процесс и уделяет большое внимание географии, этнографии и антропологии, как важным определяющим факторам истории. Стремясь к точности, он уверен в большой роли, которую должна будет сыграть в исторической науке статистика.

Ошибки исторической концепции Грановского связаны с общим недостаточным уровнем развития исторической науки в его время и ограниченностью его мировоззрения как буржуазного либерала. Обращаясь к любимой им древней истории, Грановский в обычной для него образной манере высказывает мысль о задачах исследователей. «Сорок веков смотрят на вас с вершин пирамид,— сказал в Египте Наполеон своим солдатам. Мы также юные ратники на ветхой почве истории; с вершины прошедшего на нас также смотрят столетия, но смеем думать, что мы прочтем в их очах не то, что прочли в них воины Французской республики» (т. I, стр. 27).

Среди трудов Грановского широкую известность получила изданная в 1851 г. «Историческая характеристика. Александр Великий» (т. I, стр. 351 слл.). Это была выдающаяся работа для своего времени; она объясняла причины возникновения эллинизма, разносторонне характеризовала деятельность Александра. Грановский указывает на разложение «греческой городской жизни» (т. I, стр. 351) в IV в. до н. э. и отмечает переход от республиканских форм управления к монархическим. «Личные цели отдельных граждан превосходили объемом силы и средства ослабевших республик. Следствием этого хода вещей был совершенный упадок местного патриотизма и стремление открыть вне пределов родины поприще, достойное накопившихся и праздных сил. Таким поприщем мог служить только Восток, именно Персия, в которой с конца V столетия постоянно играют важную роль греческие наемники» (т. I, стр. 353). По сути дела пытливый взор Грановского подметил некоторые внешние проявления кризиса рабовладельческого общества в Греции, перерастание ее экономики за рамки города-государства.

По установившейся традиции Грановский идеализирует личность и деятельность Александра, «на которого природа и судьба расточали дары свои» (т. I, стр. 355). Характеризуя державу Ахеменидов, Грановский указывает, что она, несмотря на свои размеры и огромные материальные средства, разлагалась на составные части. Патриотизм ученого выразился в отрицательной характеристике Мемнона, которого Грановский считает человеком с гениальными способностями, но внутренне испорченным, отрекшимся от своей родины. Грановский отмечает искусную дипломатию и стратегию Александра в его отношениях к малоазиатским греческим городам и в блестяще проведенной им кампании по изолированию Персии от Средиземного моря путем занятия Финикии и Египта. Он подчеркивает также уважение Александра к местным обычаям в завоеванных странах. Перечислив попытки Александра связать воедино свою огромную державу — «слить Восток и Запад» и препятствия, которые ему встретились на этом пути, особенно в виде оппозиции в греко-македонской армии, рассматривавшей все завоеванное как добычу, Грановский в другой работе [1] с возмущением отмечает реакционную позицию, занятую по этому поводу Нибуром. «Замечательно, что при оценке великой попытки Александра слить в одну семью все народы своего огромного царства, попытки, результатом которой была гелленизация Востока, Нибур становится на расстоянии 22 веков горячим защитником идей или, лучше сказать, предрассудков, с которыми должен был бороться македонский завоеватель». Рассуждая о «высоких» побуждениях Александра, стремившегося «уделить своим новым подданным часть тех духовных благ, которые до него были исключительно достоянием

[1] Т. Н. Грановский, Соч., т. II. «Чтения Нибура о древней истории», стр. 195.

одного народа» (т. I, стр. 362), Грановский тем не менее острым взором историка констатирует, что опору в завоеванных странах Александр искал только среди местной аристократии и жречества. Александр, кроме того, «связал их (покоренные страны.— *Н. П.*) с ним цепью названных большею частью по его имени колоний» (т. I, стр. 363). Правда, эту материальную основу власти Александра Грановский недооценивает, обращая основное внимание на взаимодействие идей. Наконец, Грановский сознается в своем «пристрастии» к Александру, объясняя это тем, «что историку, внимательно изучающему памятники, которые содержат в себе подробности о жизни и делах македонского завоевателя, трудно устоять против собственного увлечения» (т. I, стр. 371). Эти строки, кстати, полностью опровергают взгляд, высказанный в русской буржуазной историографической литературе о том, что в данном случае Грановский якобы находился под влиянием работы немецкого историка Дройзена об Александре Македонском.

Мы рассмотрели некоторые вехи начального периода изучения в России эпохи эллинизма Но и этот краткий обзор свидетельствует о большой работе, проделанной русскими учеными в XVIII и первой половине XIX в. даже и такой специальной области истории древнего мира, как эпоха эллинизма, области, подробная разработка которой оказалась возможной только в XX в. Первоначально описательный характер этих трудов был блестяще преодолен в работе Грановского об Александре Македонском. На основании изученных материалов Грановский дал ряд ценных обобщений о начальном периоде эллинизма, подобно тому как он это сделал и в других разделах истории древнего мира и средних веков. Учитывая значение деятельности Грановского в качестве историка древнего мира, мы позволили себе, характеризуя его как ученого, несколько выйти за пределы специальной темы настоящего краткого обзора

Н. Н. Пикус

ПО СТРАНИЦАМ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

Великая победа советского народа над гитлеровским фашизмом открыла новую замечательную страницу истории Польши. Польский народ, при братской поддержке Советского Союза, в упорном, напряженном труде строит в своей стране социализм. Благодаря мощному трудовому подъему народных масс в Польше уже вдвое превышен довоенный уровень промышленного производства; столь же быстрыми темпами продвигается коллективизация сельского хозяйства. На базе общего подъема всей страны быстро развивается польская историческая наука.

В рамках одной статьи невозможно дать полную картину деятельности польских историков и археологов за послевоенные годы. Ввиду обилия научных обществ и различных специальных периодических изданий это совершенно непосильный труд для одного человека. Мы ставим перед собой значительно более скромную задачу и попытаемся здесь прежде всего ознакомить читателей ВДИ с организацией научной работы польских историков и археологов, а затем отметить основные этапы развития польской исторической науки за последнее время.

Организационные формы научной деятельности в Польше несколько своеобразны. В отличие от принятого в СССР тесного сочетания научной и производственной деятельности, когда научная работа является составной частью производственной как для профессорского состава вузов, так и для научных работников системы Академии Наук, в Польше научная деятельность строится по иному принципу, сохранившемуся еще с довоенных лет. В высших учебных заведениях — в основном это университеты — ведется, как правило, только педагогическая и научно-методическая работа. Вся же научно-исследовательская деятельность до составления учебников включительно, доклады на научные темы, выпуск книг и журналов, частично и обсуждение книг, сконцентрированы в основном в многочисленных научных обществах. Проблематикой, связанной с древней историей и с дофеодальным периодом истории Польши, занимаются главным образом три относительно больших общепольских научных общества.